

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/266548>

От судьбы не уйдешь (русская яойная сказка)

Направленность: Слэш

Автор: Mikka_Loitonnen (<https://ficbook.net/authors/107121>)

Фэндом: Ориджиналы

Пейринг или персонажи: м/м

Рейтинг: R

Жанры:

Размер: Миди, 29 страниц

Кол-во частей: 4

Статус: закончен

Описание:

Сказка - ложь, да в ней намек...

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Баловство да шалости. С каждой сказки по ниточке - вот и сплелась история.

Внимание!!! Хронология:

Первая сказка - От судьбы не уйдешь

Вторая сказка - Лель

Третья сказка - Пёрышко

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3
Часть 2	8
Часть 3	16
Часть 4	26

Часть 1

Начинается сказка, начинается побаска — сказка добрая, повесть долгая, не от сивки, не от бурки, не от вещеого каурки, не от молодецкого посвисту, не от бабьего покрику.

В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки были молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был король, у него был сын-десятилетка. Королевич был всем хорош — и лицом и нравом, да отец-то его плох: все его корысть мучила, как бы лишний барыш взять да побольше оброку собрать.

Увидел раз король старика с соболями, с куницами, с бобрами, с лисицами:

— Стой, старик! Откудова ты?

— Родом из деревни, батюшка, а ныне служу у лешего.

— А как вы зверей ловите?

— Да леший наставит петли-леса, зверь глуп — и попадает.

— Ну, слушай, старик! Я тебя вином напою и денег дам: укажи мне, где леса ставите?

Старик соблазнился и указал. Король тотчас же велел лешего поймать и в железный столб заковать, а в его заповедных лесах свои леса поделал.

Вот сидит леший в железном столбе да в окошечко поглядывает, а тот столб в саду стоял. Вышел королевич погулять по саду; идет мимо столба, а леший кричит ему:

— Королевское дитя! Смилуйся, выпусти меня.

Пожалел королевич лешего: вытащил ключ из кармана у матери, отпер железный столб и высвободил лешего.

Пошел леший рвать королевские леса!

Видит король, что звери больше не попадают, осерчал и напустился на свою жену: зачем ключ давала, лешего выпускала? И созвал король бояр, генералов и думных людей, как они присудят: голову ли ей на плахе снять, али в ссылку сослать?

Плохо пришлось королевичу — жаль родную мать, и признался он отцу, что это его вина: вот так-то и так-то все дело было.

Взгоревался король: что ему с сыном делать? Казнить нельзя. Присудили отпустить его на все четыре стороны, на все ветры полуденные, на все вьюги зимние, на все вихри осенние.

Вышел королевич в чисто поле, а навстречу ему леший.

- Пойдем со мной, королевский сын. Я тебя всем наукам обучу, языку звериному да птичьему, отблагодарю за доброту твою.

Стоит королевич, будто на распутье, что делать ему не знает. Больно страшен леший: шерсть на нем косматая, рога длинные, когти кривые, сгорбленный весь; голос у него хриплый, как рык звериный. Да только в голосе том доброта проскальзывает, и глядит леший с ласкою. Рассудил королевич, что будет ему на дорогах неведомых хуже, чем у

лешего в науке, да и согласился. Привел его леший к себе домой, в лес нехоженный, дикий.

Прожил королевич у него без малого пять лет. Выучился он всяким наукам, хитростям да премудростям; научился королевич обертываться ясным соколом, да серым волком, да рыбой-щукой. А до того, сдержал леший свое обещание, научил его языку птичьему да звериному. Вырос королевич статным да пригожим. Все в лесу его знали: и русалки, и водяные, и нечисть мелкая: анчутки, навки, шуши, заболотники, лесавки – со всеми он дружбу водил. А как начал вместе с лешим на охоту ходить да леса ставить, попадалось ему зверья всякого немеряно: и куницы, и лисицы, и соболя, и прочее зверье мелкое. Вольно королевичу, любо в науке у лешего, вот только захотелось ему на мир, на людей посмотреть. Матушку свою обнять, да батюшке в очи посмотреть. Стал он думу думать, как бы испросить на то у лешего позволения.

Встал как-то королевич поутру, во двор вышел, потягивается. А лешего как раз дома не было. Ушел он засветло, только к ночи воротится. Смотрит королевич, прилетели две птички-невелички, на деревце сели, щебечут между собой, заливаются. Подошел он поближе, прислушался.

Вот говорит одна птичка другой:

- А что за молодец пригожий? Не видала я его ранее.

- Что ты, - отвечает ей другая, - воспитанник это лешего, приемыш. Без малого пять годков тут живет. Учит его леший всем наукам да хитростям, всему, что сам знает, да умеет.

- А знает ли молодец, что не так прост леший? Что каждую ночь снимает он с себя шкуру звериную, да человеком оборачивается?

- Коль и знает, да мне про то не ведомо. И ты не болтай. Услышит леший – не поздоровится тебе.

- И то правда.

Пощебетали они еще чуток и улетели. Стоит королевич, не шелохнется, речи птичьи услышав. Захотелось ему узнать каков на самом деле леший. Затаил он обиду глубокую, что не знал, до сей поры, про то, что всем птицам лесным известно. Задумал королевич лешего обмануть. Достал свечечку да горшок глиняный. Как стало солнце к закату клониться, поставил королевич свечку у изголовья, зажег, да горшком глиняным-то и накрыл. Сам в постель лег. Укрылся, будто спит давно. Зашумело в сенях, застучало – леший домой воротился. В темноте по горнице походил, будто что тяжелое на лавку бросил, зашел в опочивальню да на свою постель улегся. Подождал королевич, пока уснет леший, поднялся тихонько, впотьмах к постели его подошел да горшок со свечки снял. Осветила свечка лешего, смотрит королевич, диву дается – не зверь перед ним, а муж пригожий: тело белоснежное, кудри русые, спина широкая, да ноги длинные. Забылся королевич, свечечку наклонил, а воск с нее на плечо лешему и капнул. Мигом проснулся леший, поворотился, на королевича смотрит пристально. Очи у него зеленые, колдовские, да нет в них гнева, тоска одна.

- Выведал-таки, - молвит.

Присел королевич на постель к нему, свечечку на землю поставил, лицо милое в ладони взял, наклонился и поцеловал крепко уста медовые.

Отстранил его леший от себя, очей с него не сводит, молвит грозно:

- Ты чего творишь, окаянный. Не могу я дать тебе, что просишь.

А королевич слова его мимо ушей пропускает, кожу сахарную целует и шепчет жарко:

- Твоей ласки прошу горячей. Вижу, что не противен тебе. Все тебе позволю, бери меня, как тебе вздумается.

- Как вздумается, говоришь?

Ухватил леший за плечи его крепко, очами зелеными пронизывает:

- Знаешь ли, чего просишь у меня?

- Знаю. Видал я, как звери в лесу...

- Как звери, - рычит леший, - да, разве ж можно с тобой как звери?

Уложил на постель королевича, поверх него лег, терзает уста поцелуями жадными, милует тело горячее.

- Всегда ли, - шепчет, - ты, королевич, голышом спишь?

- Всегда, - отвечает тот, выгибаясь, ласку выпрашивая, - так не жарко.

- Не жарко, - ухмыляется леший, - разве не жарко тебе сейчас подо мной.

- Ой, жарко, - стонет королевич, - только хочу я, чтоб еще жарче стало.

Целует его леший, оторваться не может. Уж больно долго он за королевичем наблюдал, да ночи их страстные во снах видал. А открыться ему не мог. Чувал, что не навек с ним королевич, что отпустить его придется. Оттого и обнимает сейчас его леший крепко, насытится его телом не может.

- Нет мочи больше, - выстывает королевич, - помру сейчас.

- Не помрешь, от ласки моей наново родишься.

Сел леший в ноги его, взял в руку плоть молодецкую, да со своей вместе и свел. Водит ладонью быстро, дарит ласку неизведанную. Закричал королевич громко, очи свои ясные распахнул, излился на ладонь лешему, тела их забрызгал. Раскинулся на постели, дышит тяжело, в себя приходит.

А как воротился к нему разум, поглядел на лешего, очами по телу его провел, - заалели щеки, жаром запылали.

- А, ты? - молвит едва слышно.

- Ужель ты думаешь, что на этом закончим? – спрашивает леший, а сам вновь над ним склонился, плотью каменной прижался, по животу его да меж ног трется. Вновь в жар королевича бросило. Захотелось ему ласки пуще прежнего. Осмелел, к лешему прильнул, с поцелуями на него набросился.

Перевернул его леший на живот, сзади к нему прижался, удом помеж ягодиц двигает, раздраживает.

- Помнится мне, - молвит хрипло, - хотел ты, как звери лесные.

Стонет королевич, зад выпячивает:

- Да-а, хотел. Ой, хочу, смилуйся, мочи нет выдерживать.

Отстранился леший, пальцы в тело его вогнал, водит ими, для себя проход готовит.

Вскрикнул королевич:

- Нет, себя мне дай! Хочу плоть твою тяжелую... твердую...

- Тихо ты, глупый, - молвит леший, а у самого в голосе нежность такая, что сердце заходится, да из груди выскакивает. Вытащил пальцы, вовнутрь вбил, уд глубоко вогнал, слышно было как телом о тело шлепнулся. Закричал королевич, забился зверем раненым.

- Тише, тише, - леший его успокаивает, ласкает нежно, - Сейчас, погодь, сейчас любо станет.

Обождал немного, да и бедрами двигать начал. Потихоньку, полегоньку сначала, а как выгнулся под ним королевич, как застонал томно, так уж не сдерживает себя боле леший. Берет королевича, как хочется ему. Вскрикнул снова молодец, перешел вскрик в стон долгий, излился семенем, обмяк в руках лешего крепких. Толкнул бедрами леший, да и сам застонал громко, и сам изливаясь. Поцеловал королевича, приласкал и рядом с собой спать уложил.

Уж солнце высоко в небе поднялось, когда открыл королевич очи свои ясные, отошел ото сна сладкого, да что накануне вечером было припомнил. Слышит, а леший в дом заходит. Поворотился королевич на постели, улыбнулся, только хотел милого поприветствовать, когда глядь, а тот снова шкуру звериную нацепил, в обличье страшном перед ним явился. - Ты что, хороший мой, - молвит королевич, - зачем снова зверем притворяешься? Видел я уж тебя, ни к чему тебе боле скрываться. Сыми, ты, шкуру страшную, дай поцеловать мне тебя.

- А в шкуре, разве не поцелуешь ты меня, - молвит леший, - разве не люб я тебе такой – косматый да страшный?

- Как же я тебя поцелую, - смеется королевич, - коли клыки твои, огромные, мешаются, коли пальцы в шерсти запутаются? Как же обнимешь ты меня, коли когтями острыми оцарапать тело мое можешь? Сыми шкуру с себя, хороший мой.

Качает головой леший:

- Нет, дитя королевское, не трону я шкуры своей звериной. А тебе нельзя боле у меня оставаться. Поезжай, по миру странствовать. На людей посмотришь, себя покажешь. Молод ты, чтоб красу свою да силу в лесах подле меня оставлять.

Дал леший королевичу коня доброго и отпустил с миром.

- Езжай, - говорит, - назад не оборачивайся. А как из лесу выедешь, вправо возьми, к северу путь свой держи. Кого встретишь по пути – тому кланяйся, то, что знаешь да умеешь, больно не показывай. Коли судьба – свидимся еще с тобой.

Уехал королевич, скрепя сердце. Вроде и хотелось ему на мир поглядеть, а лешего жалко оставлять. Поостранствую немного, думает, да и назад ворочусь.

Долго ли, коротко ли ехал королевич, а лес свой родной далеко позади оставил. Вот выходит конь его на берег речной. Смотрит королевич, а на берегу, под деревом богатырь почивает, виду дивного, небывалого: тело белое да гладкое, кудри длинные, как молоко цветом, сам в белое одет; конь его богатырский недалеко пасется. Подумал-подумал королевич и лег с ним рядом.

Пришла пора – пробудился богатырь, смотрит – рядом с ним незнамо кто лежит; схватился за острый меч и хотел, было, предать его смерти злой, да удержался вовремя.

«Нет, - думает, - он наехал на меня сонного, а мечта не хотел кровавить; не честь, не хвала и мне, добру молодцу, загубить его! Сонный что мертвый! Лучше разбужу его».

Разбудил он королевича и спрашивает:

- Добрый ли, худой ли человек? Говори, кто ты и зачем сюда приехал?

Поднялся королевич на ноги, поклонился ему и отвечает:

- Странник я, мир решил посмотреть. Вот на тебя наехал, да рядом почивать и лег. Могу и дальше с тобой странствовать, побратимом тебе стать, коль на то твоя воля. Вдвоем оно и веселей, и безопасней. А кто ты такой будешь? Куда путь держишь?

- Можно и вдвоем, добрый молодец. Я - Белый Полянин, богатырь русский. Держу путь к северным горам. Там, у горы, стоит под деревом кузница, в ней кузнец. Сказывают люди, может он всю правду рассказать о судьбе твоей.

- Это мне подходит, дорога такая, - обрадовался королевич, - хотелось бы и мне о судьбе своей поведать.

Поехали они дорогой прямоезжею; длился путь их три дня и три ночи; словно ветер несли их кони добрые; реки, моря перепрыгивали, широкие долины промеж ног пускали.

На третий день пути увидели они кузницу и кузнеца. Кует кузнец два тонких волоса; огромные меха раздувает.

Стал Белый Полянин спрашивать кузнеца:

- Что куешь, добрый человек?

Отвечает кузнец:

- Я кую судьбу: кому на ком жениться. Твоя дорога, Белый Полянин, лежит в лес дремучий, в царство Кощеево. Там ждет тебя судьба твоя.

Поклонился кузнецу Белый Полянин, с королевичем распростился, вскочил на коня своего богатырского да к Кощею Бессмертному и отправился.

Взял кузнец два волоса длинных – один крученный да белый, второй прямой да черный, и приковал их друг к другу крепко-накрепко.

- А твоя судьба, королевский сын, - продолжает кузнец, - ни близко, ни далеко. Держал в руках ее, да упустил. Долго тебе бродить по миру придется, пока с судьбой повстречаться доведется.

Поблагодарил королевич кузнеца да снова в путь отправился.

А кузнец взял еще два волоса – один длинный да русый, второй короткий, будто звериный, вместе сложил, да и приковал. Знает свое дело кузнец - навек приковывает, не разорвешь, не разведешь в стороны.

Часть 2

Долго ли, коротко ли, едет Белый Полянин по дороге степной, неезженной. Вот встретил калику переходящую, говорит ему:

- Здравствуй, старчище Иванище, скажи мне, далеко ли до царства Кощеева?

- Да, считай, отсюда тринадцать вёрст будет, а оттуда – и того меньше.

- А все ли тут у вас по-прежнему, по-бывалому, - спрашивает Белый Полянин, - не разгулялась ли сила нечистая, не перевелись ли, еще, добры молодцы, такую же милостыню люди подают нищей братии – каликам переходящим?

- Да, вроде, богатырь, все по-прежнему. А что до силы нечистой, сказывают люди, утащил Кощей Бессмертный царевну Милолику прямо из-под венца. Томится она у Кощея в плену, горькие слезы льет.

- А что же, так ли силен Кощей Бессмертный, как про него молва идет? Расскажи мне про него все, что ведаешь.

- Ой, силен Кощей. Сила его нечистая, колдовская. Живет он в лесу черном, в самой чаще терем его стоит. Никто кроме Кощея туда войти не может. Все звери в лесу его слушаются, вся нечисть ему прислуживает. С виду – старик он древний, тощий, бессмертный. Ни убить, ни потопить, ни на куски изрубить его нельзя. Смерть его – на конце иглы, а игла та – в яйце, а яйцо – в утке, а утка – в зайце, а заяц в сундуке, а сундук – в земле сырой, под теремом зарыт. Коли достанешь иглу, да преломишь, тут и конец Кощейю придет.

Поблагодарил Белый Полянин калику переходящего, дал ему медный грош, и к лесу дремучему коня направил.

Едет он по землям Кощеевым, ни себе, ни коню отдыху не дает, торопится царевну Милолику из плена выволить, да в жены взять, коли судьба она его. Вдруг скачет мимо него всадник: сам белый, в белое одет, конь под ним белый, и сбруя на коне белая – на дворе стало рассветать. Подивился Полянин и дальше едет. Тут скачет мимо него другой всадник: сам красный, в красное одет и на красном коне – стало всходить солнце.

Проехал Белый Полянин весь день, только к следующему вечеру выехал на полянку. Смотрит, стоит перед ним терем, вокруг него столбы деревянные вкопаны, ворота высокие, на замок запертые.

Только хотел Белый Полянин ближе подойти, как скачет третий всадник: сам черный, во все черное одет и на черном коне. Подскакал к воротам, спешился, незнамо кому поклонился и исчез, как сквозь землю провалился, - настала ночь. Смотрит Белый Полянин, диву дается – сколько лет прожил, а чудес таких не видывал. Постучал по воротам, ждет, чтобы открыли ему. Только стих стук, как послышался в лесу шум страшный: деревья трещат, сухие листья шуршат – выехал к воротам четвертый всадник. Спешился, коня своего обратно отпустил и ближе подошел.

- А, Белый Полянин, богатырь русский, ты сюда зачем пришел? Драться или мириться хочешь?

- Почто мириться? Русский богатырь не затем ходит, - отвечает Белый Полянин, а сам во все очи всадника разглядывает. Стоит перед ним молодец: росту невысокого, красы степной, дикой. Сам худой, тощий, будто век не кормленный, стан тонкий, одной рукой, кажись, обхватить можно, кудри как смоль черные, ниже пояса спускаются, очи как у кота лесного раскосые. И весь он будто зверь хищный, как тетива натянутая, того и

гляди вперед бросится да в горло вцепится.

- Стало быть, драться, - молвит молодец, - А с кем?

- С Кощеем Бессмертным. Сказывают люди, красна девица у него в плену томится, царевна Милолика. Хочу на честный бой его вызвать, царевну освободить, да в жены взять. Судьба она моя.

- Девка? Здесь? – шибко удивился молодец. – Нет, Белый Полянин, люди всякое болтают, да и тебя с пути-дороги сбили. Нет здесь царевен, ни одна девка сроду на порог этот не ступала. Поезжай с миром. Может у Змея Горыныча она, или у Бабы Яги, да мало ли охотников до красы девичьей на свете белом.

- Не верю я тебе, - хмурит брови Белый Полянин, - да и кто такой ты будешь, чтобы про дела Кошеевы все знать и ответ передо мной держать.

Усмехается молодец:

- Что ж ты, Белый Полянин, себя богатырем называешь, а меня не признал? Со мной драться хочешь, а каков я не ведаешь. Кошей я, Бессмертный.

- Не обмануть тебе меня, отродье плутовское! – молвит Белый Полянин грозно, - Пусть выходит Кошей на бой праведный! Все ведают, что старик он, костлявый, - сила нечистая!

- Крепко веришь ты молве людской. Не всегда люди правду болтают, да по-честному все сказывают. Ну, коли не веришь мне, делать нечего, жди Кошея своего, старика костлявого.

Покачал головой молодец, подошел к воротам, левою рукою над замком провел – открылся замок, правую рукою ворот коснулся – распахнулись ворота.

- А что же ты, добрый молодец, богатыря русского в гости не зовешь? Притомился я с дороги. Баба Яга, - и та в избушку приглашает, поит, кормит, в баньке парит...

- И ест потом, - досказал за него молодец. Обернулся, взором лукавым ожег, и молвит:

- Я кого ни попадя в дом не веду. Ни к чему мне в горнице богатырь, что меня же убить вознамерился. Коли поверишь к рассвету, что Кошей я, жди у дуба столетнего. Там драться будем.

Стал посреди двора, оборотился на закат и крикнул:

- Верные мои слуги, сердешные друзья, отнесите богатыря к дубу столетнему, да ворота закройте, чтобы ни зверь лесной, ни птица небесная ни войти, ни влететь не смогли.

Явились три пары рук, подхватили Белого Полянина, унесли к дубу столетнему. Сел он на траву-мураву, задумался.

- Так, стало быть, ты Кошей и есть! Ведь терем этот – его! Никто другой туда ни войти, ни выйти не может. Да и слуги невидимые, волшебные, только слову Кошееву верные.

Тогда, как рассветет, на бой смертный тебя вызову. Вызволю царевну Милолику и в жены возьму. Сказывают люди, нет на свете девицы краше да пригожее.

Тут припомнил богатырь слова Кошеевы, что крепко уж верит он молве людской, еще пуще призадумался. Может и не соврал нечистый, может царевна и не у него в плену томится.

- Нет, не может нечистая сила по правде все говорить. Заморочил мне голову Кошей, да не выйдет у него сбить богатыря с дороги верной! Не бывать этому!

Прилег спать Белый Полянин, да нейдет к нему сон. Стоит перед очами его Кошей

Бессмертный, вспоминает богатырь стан его тонкий да взор лукавый, тело смуглое да кудри длинные. Не видывал он на веку своем красоты такой – дикой, звериной. А как подумалось ему, каков Кощей в страсти любовной, взвыл Белый Полянин не своим голосом:

- Нечисть проклятая! Околдовал меня, окаянный! Я на колени перед тобой стану! Ноги целовать буду! А потом изрублю на тысячу кусков, сожгу и по полю пепел разбросаю! У-у, нечистый!

Поднялся на ноги Белый Полянин, пошел бродить по лесу темному, тело разбережённое успокаивать. А как мелькнул мимо него белый всадник, как стало рассветать, - повернул богатырь к дубу столетнему, на бой смертный с Кошеем направился.

Только унесли слуги верные богатыря русского, вошел в терем свой Кощей. Умылся чисто, кудри гребнем расчесал и за стол сел. Подали ему три пары рук кушанья, да квасу и вина из погреба достали. Взял Кощей ложку, да и бросил обратно на стол. Сидит, не ест, не пьет, одолевают его думы тревожные да бесстыдные. Приглянулся ему богатырь русский; краса его диковинная, тело белое, да очи цвета стали меча булатного. Захотелось Кошеем груди богатырской коснуться, по спине крепкой ладонями провести, удаль молодецкую на себе испытать, ласки богатырской испробовать. Поднялся Кощей, из-за стола встал, по горнице взад-вперед ходит, уста свои нежные кусает. Не выдержал – достал миску деревянную, налил в нее воды колодезной, провел левой рукой – показался в той воде дуб столетний да богатырь русский. Лежит на траве, со стороны в сторону поворачивается, уснуть не может.

- Что ж не спится тебе, Белый Полянин, - шепчет Кощей, - о ком думы тебя так одолевают, что очей сомкнуть не можешь.

Тут послышался из воды голос Белого Полянина: *«Нечисть проклятая! Околдовал меня, окаянный! Я на колени перед тобой стану! Ноги целовать буду! А потом изрублю на тысячу кусков, сожгу и по полю пепел разбросаю! У-у, нечистый!»*

Отстранился Кощей, воду из миски выплеснул, нахмурился:

- Ноги, говоришь, целовать будешь, А отчего ж, только ноги? Разве не милы тебе уста мои, а тело, разве, противно тебе? Знай, Белый Полянин, моим ты будешь! Зацелую, замилую, - навек ласки мои запомнишь, ни к одной девке боле не подойдешь!

Только начало светать, пришел Белый Полянин к дубу столетнему, а Кощей его уж поджидает. Поглядел на него Белый Полянин – дара речи лишился.

Сидит Кощей под дубом, спиною о ствол опирается, одну ногу согнул, к себе прижал, другую рядом вытянул, тело смуглое сквозь рубаху белую виднеется, кудри черные по плечам, по груди разметались, ниже пояса спускаются, голова назад откинута, шею, будто нарочно, обнажил – то ли мечом по ней пройтись, то ли поцелуями жаркими. Ни меча, ни лука подле него нет. Будто не на бой пришел смертный, а на свидание любовное. От мыслей таких Белого Полянина в жар бросило, подошел он поближе, да и говорит:
- Куда ты так, нечистый, вырядился? Неужто, ради боя нашего так прихорашивался?
- Нечистый – это черт, а я Кощей. Ни убить тебе меня, ни потопить, ничего меня не берет.

Бессмертный я.

- Знаю, знаю, где смерть твоя, - молвит Белый Полянин, - на конце иглы, а игла та – в яйце, а яйцо – в утке, - а утка – в зайце...

- Вижу, память у тебя хорошая, - усмехается Кощей, - Ну, так, где игла-то? Как ты меня убивать собираешься?

Молчит Белый Полянин, волком смотрит. Подошел к нему Кощей близко-близко, да и шепчет прямо в уста ему:

- Не убьешь ты меня, богатырь. Не за свое дело взялся. Да и не того ты хочешь.

Выхватил Белый Полянин острый меч, приставил к груди кощейевой.

- Убью, - диким зверем рычит, - на куски изрублю, по полю разбросаю.

Смотрит Кощей в очи Белому Полянину, взгляда бесстыжего да распутного не отводит, а сам обеими руками за меч схватился и рубаху на себе разрезал.

- Бей, - шепчет, - так сподручнее будет.

Обвел Белый Полянин очами грудь кощейеву – кожа гладкая, ни волоска, ни пятнышка; соски напряглись, торчат призывно; дышит Кощей тяжело да часто, грудь вздымается. Выронил меч богатырь, руки, будто сами своей жизнью зажили – одна Кощей ближе притягивает, вторая грудь его ласкает. Выгнулся Кощей, застонал хрипло. Помутилось в голове у Белого Полянина, обрывки рубахи с плеч его сбросил, впился в шею поцелуем жадным, за бедра Кощей к себе притянул, вперед толкнулся, - зарычал зверем, и давай плотью о плоть тереться, ласкать спину кощейеву, да ягодицы его крепкие. Прошипел Кощей что-то, точно кот лесной, когтями по спине прошелся, всю рубаху на Белом Полянине исполосовал, прочь сорвал, за себя куда-то отбросил. Прильнул к груди богатырской, будто огнем обжег. Через силу оторвал его от себя Белый Полянин, на траву толкнул, сам стоит, над Кощеем возвышается, дыхание с хрипом из горла вырывается, жар по жилам бежит, плоть каменная к низу тянет, к телу горячему да желанному. Растянулся на траве Кощей, штаны с себя стянул, плоть свою ладонью обхватил, сам себе ласки дарит и шепчет едва слышно:

- Что же ты, богатырь, медлишь? Иголкой не разжился, так решил меня жаждой неутоленной извести. Так я и сам могу ее утолить, тебя не дождавшись.

Бросился на него Белый Полянин, руку его от плоти отнял, терзает устами шею нежную, ласкает тело крепкое. Ухватил его Кощей за пояс, то ли развязал, то ли разорвал – не заметил того Белый Полянин – штаны на нем спустил, ладонями по бедрам прошелся, уд его, росой жемчужной сочащийся, приласкал. Поперхнулся Белый Полянин воздухом – ни одна рука его так не касалась, кроме его собственной. А Кощей, бесстыжий, очами шаловливо стрельнул, плоть его поглаживает, да сжимает, водит ладонью вверх-вниз, капли жемчужные собирает, да по уду размазывает. А после, к богатырю спиной повернулся, задом к нему прижался, да плоть его помеж ягодиц и направил.

- Давай, - стонет, - богатырь, покажи мне... удаль свою... молодецкую.

Сцепил зубы Белый Полянин, вперед бедрами толкнулся, вогнал уд свой глубоко в тело кощейево. Слились воедино два крика громких, изогнулся Кощей, сжал в руках траву-мураву, чуть с корнями не вырвал. Наклонился чуток Белый Полянин, прижался грудью к спине кощейевой, руками о землю оперся, устроился поудобней, и давай вбивать плоть свою раз за разом сильнее и сильнее. Вскрикивает Кощей, к нему бедрами подается,

бьет дрожь его сильная, подгибаются руки тонкие. Может, и упал бы Кощей от такого напора богатырского, да подхватил его Белый Полянин, выпрямился немного, к груди своей прижал, о ласке да нежности вспомнил. Приласкал грудь гладкую, соски твердые пальцами помял, да и накрыл ладонью плоть горячую, сам в первый раз ласками такими одаривая. Нежно да бережно плоть кощееву поглаживает, медленно уд свой вставляет да вынимает; уста свои кусает, сдерживает силу богатырскую. Стонет Кощей, надрывается, шепчет что-то. Прислушался Белый Полянин – а то слова отдельные: «так», да «еще», да «любо».

- Что, - вопрошает, - любо тебе так?

- Ой, любо-о, - выстанывает Кощей, - любо. Еще... хороший... мой. Хорошо... как.

Из последних сил сдерживается Белый Полянин, нет мочи уж терпеть, самого дрожь бьет. Будто учуял то Кощей, сам назад к нему подался сильно, зашипел сквозь зубы:

- Давай..., богатырь, ... что есть... мочи, - и вновь на траву опустился, на колени да локти опираясь.

Как получил Белый Полянин позволение – тут же плоть свою в Кощея вонзил. Сжимает ягодицы крепкие, бедрами туда-сюда двигает; сильно, быстро, глубоко. Усладою для него охи да ахи, да вскрики кощеевы. Тут вскинулся Кощей, голову вверх запрокинул, застонал протяжно и оросил траву-мураву семенем горячим. Вбил Белый Полянин уд свой поглубже – пролилось и его семя внутри тела кощеева. Притянул к себе богатырь Кощея, уложил подле себя, обнял крепко, да и уснул тот же час.

Лежит Кощей, улыбается, в объятиях богатырских нежится. Повернул голову, поглядел на Белого Полянина, пальцами тонкими по устам его провел:

- Притомился, - шепчет, - умаялся со мной. Отдыхай, Белый Полянин, пригодится тебе силушка твоя богатырская. Не насытился ты мной еще, да и я тебя не распробовал. Не раз и не два брать тебе меня, пока натешимся.

Поцеловал Кощей Белого Полянина в чело высокое, высвободился из объятий крепких, и сгинул, будто и не было его.

Уж солнце к обеду подошло, когда проснулся Белый Полянин, потягивается.

- Ох, и сон мне наснился дивный, - говорит. Когда оглядел он себя, а одежи-то и не видать. Штаны рядом лежат, а рубаха в лохмотья исполосана. Да и в теле нега такая, как после ночи любовной.

- Не сон это был, значит, - молвит Белый Полянин и сам себе не верит. Неужто и, правда, они с Кошеем забавлялись? Неужто ласкал да миловал он его? А после... неужто позволил ему Кощей взять себя? Как припомнил Белый Полянин, как ласкали они друг друга жарко, как касались его руки кощеевы, как брал он Кощея, то сильно, то бережно, - в жар богатыря бросило. Натянул он штаны поскорее, а рубаха-то негодная! Откуда ни возьмись, появились три пары рук, и протягивают ему рубаху новую, из полотна тонкого, как снег белого. Принял у них Белый Полянин рубаху ту, одел на себя, а три пары рук уж скатерть на траве расстелили, обед споро собирают, угощения разные расставляют.

Смекнул Белый Полянин, по чьему слову они стараются; сел, кушанья попробовал, вина пригубил, да и отошел в сторонку. А слуги невидимые скатерть свернули и сгнули.

Покачал головой Белый Полянин, - вроде и сказывают, что нечистая сила только о себе и заботится, ради себя старается, а тут, гляди, подумал Кощей Бессмертный, что без рубахи богатыря оставил, да и голодным ходить не позволил.

В раздумьях да отдыхе провел Белый Полянин остаток дня. Вот проехал мимо черный всадник – настала ночь. Собрался спать богатырь, да только чует – смотрит кто-то на него из чащобы лесной. Крикнул тут он громким голосом:

- Кто там, в лесу хоронится!? Выходи по-хорошему, коли жизнь тебе дорога!

- Чего кричишь, богатырь? Всех зверей моих распугаешь, - молвит насмешливо Кощей Бессмертный из темноты ночной.

Ступает он навстречу Белому Полянину, а близко не идет, в стороне становится. Смотрит на Кощея Белый Полянин, хочется ему снова целовать да ласкать тело его смуглое.

Разглядел Кощей в очах его огонь разгорающийся, к Белому Полянину подошел и молвит:

- Доказал ли я тебе, богатырь, что ни к чему мне царевны?

- Доказал, - отвечает Белый Полянин хриплым голосом.

- А чего ж, тогда, не уехал ты искать девку свою?

- Не уехал, - вторит ему Белый Полянин.

Замолчал Кощей, видит, проку нет от богатыря никакого. Не в силах он разговаривать.

Коснулся Кощей плоти богатырской, через штаны ласкает да поглаживает. Толкнул

Белого Полянина спиной к дубу столетнему, штаны его спустил, да устами к уду и прильнул. Вскинулся Белый Полянин, охнул, вперед подался.

- Ш-ш-ш, - молвит Кощей тихо, - распробовать тебя хочу. Погодь, не двигайся.

Вцепился Белый Полянин пальцами в кору древесную, а сам очей от Кощея не отводит.

Смотрит, как целует Кощей плоть его, как ласкает устами своими нежными, каждую жилку, каждую складочку языком вылизывает, капли жемчужные с конца собирает, -

будто слаще нету ничего на свете белом; рукою себе помогает, вбирает глубже, стонет громче. Задрожал весь Белый Полянин, затрясся, к ласке такой непривычный, вот-вот

спустит семя свое. Отстранился Кощей, уд рукою напоследок приласкал и на Полянина голову поднял. Ухватил богатырь его за плечи, на свое место притянул, и к стволу

древесному прижал. Сорвал с него штаны, даже рубаху не трогал, ягодицы ему раздвинул, да и вставил со всего маху. Закричал Кощей, да так громко, что обеспокоился

Белый Полянин.

- Больно тебе? - спрашивает.

Схватился Кощей за ствол руками, спину выгнул:

- Больно будет тебе, - отвечает, - коли не продолжишь начатое.

Успокоился Белый Полянин, да и продолжил, как повелели ему. А помнит богатырь, что

медленно да ласково любо Кощею не меньше, чем быстро да сильно; чередует он движения свои – то быстро задвигает бедрами, то медленно. Выйдет из тела Кошеева,

вытащит уд свой полностью, да и вгоняет со всего маху назад. А то вытащит, да и входит потихоньку. Стонет Кощей, за кору древесную цепляется, выгибается. Вот не стало сил у

Белого Полянина на движения неспешные, прижался он к Кощею, вбивается уже сильно; плоть его обхватил, рукой двигает. Вскрикнул Кощей, подогнулись ноги его, излился он

на кору дуба столетнего. А Белый Полянин к себе Кощея прижал, оросил внутри его семенем своим, да и опустил вместе с ним на траву, обессилив.

Прошла ночь, солнце светом мир озарило, высоко в небо поднялось, да и на закат

клониться начало, а не отходит Белый Полянин от дуба столетнего. Сам Кощея ждет, а себе в том признаваться не хочет. Являлись ему и сегодня три пары рук, кормили исправно, значит ведомо Кощею, что не уехал никуда богатырь русский. Ведать-то он ведает, а вот появится ли. Может, наскучил ему добрый молодец, не милы боле ласки богатырские. Уговаривает себя Белый Полянин, что негоже богатырю русскому с нечистой силой ... водиться. Да только тело, проклятое, ласки просит – милы ему поцелуи Кошечевы. Целый день промаялся богатырь, извелся к вечеру вкрай.

Вот и ночь настала темная; вышел на полянку Кощей Бессмертный, видит, - сидит богатырь, думу думает, даже голову не поднял. Присел Кощей рядышком, пальцами по щеке молодецкой провел, едва касаясь. Очнулся Белый Полянин от раздумий своих тревожных, узрел Кощея подле себя, не стал ни здороваться, ни разговоры с ним вести. Прижал к себе крепко, будто потерять убоившись, от одежды освободил, и в ласки да утехи, как в омут с головой бросился. Не раз, и не два взял он Кощея, пока угомонились они, пока натешились, на первое время. Отдохнули немного, друг у друга в объятиях понежились и ну, снова, миловаться. Пролетела незаметно ночь в ласке да страсти любовной. Лежит Белый Полянин на спине, а Кощей на груди его разлегся, голову у сердца положил, пальцами по телу его кружит легонько.

Молвит тут Белый Полянин:

- Позволь мне, Кощей, спросить тебя кой о чем.
- Спрашивай, - отвечает Кощей, - только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать – скоро состаришься.
- Я хочу спросить тебя только о том, что видел. Как ехал я к тебе, обогнал меня всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде. Кто он такой?
- Это день мой ясный, - отвечает Кощей.
- Потом обогнал меня другой всадник – на красном коне, сам красный и весь в красном одет. Это кто такой?
- Это мое солнышко красное, - отвечает Кощей.
- А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот?
- Это ночь моя темная – всё слуги мои верные. Что еще узнать хочешь?
- Будет с меня и этого, - молвит Белый Полянин, - сам же сказал, что много узнаешь – состаришься.
- Хорошо, - шепчет Кощей, - теперь мой черед спрашивать. Да только прежде проверить хочу одно.

Подался Кощей к богатырю, хотел в уста поцеловать, да не позволил ему Белый Полянин, отвернул голову. Нахмурился Кощей:

- Отчего ты, Белый Полянин, целовать себя не даешь? И моих уст не касаешься. Все тело мое расцеловал, а уста минул. Али зарок какой дал?
- Никакой зарок я не давал, - отвечает Белый Полянин, - да только сказывают, что нельзя силу нечистую в уста целовать. Коли не утерпишь, поцелуешь – выпьет она из тебя душу.

Будто окаменел Кощей в его руках, стал лицом чернее тучи грозовой. Высвободился из объятий, как глянет на Белого Полянина, - у того чуть сердце навек не замерло; хватает молодец воздух ртом, а вдохнуть не получается. Шибко перепугался богатырь, руку к Кощею протянул, а слова вымолвить не может. Вздрогнул Кощей, взгляд отвел –

полегчало Белому Полянину, сидит он на траве, отдышаться не может.

- Значит, - голос глухой слышался, будто и не Кощей это говорит, - как драть меня, будто козу Сидорову, так ты горазд! А как в уста поцеловать – так нечисть я! Уходи, Белый Полянин, пока жив! Не смей на очи мне показываться! Увижу еще раз – не жить тебе на свете белом!

Поворотился Кощей и пропал, как сквозь землю провалился.

Часть 3

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Белый Полянин у Кощея в царстве мается, а королевич себе дальше едет. Долго ли, коротко ли, ехал он, далеко ли близко ли, а приехал в земли родные, с детства знакомые, откуда его дитём малым выгнали, да на все четыре стороны отпустили. Спешился королевич, коня в чисто поле отпустил, да пешим во дворец королевский направился. Явился пред очи королевские и просит:
- Дайте мне работу, хоть какую, хоть самую черную. Из платы мне – еда да ночлег, ничего боле не надобно.

Смотрит король – молодец сильный, здоровый, а что сын то его родной и не признал.
- А по многу ли ты ешь, пьешь? - спрашивает, все боится лишний кусок хлеба отдать.
- Ем я по три калачика крупитчатых, пью я на три пяточка медных.

Понравилось то королю, отправил молодца на конюшню. Табуны свои стеречь наказал. Да чтоб ни одна лошадь не пропала, ни один жеребенок не сгинул.

Живет королевич во дворце, конюхом у отца своего работает. На заре табуны королевские в чисто поле выгоняет, к ночи собирает, да назад приводит. Удивляются во дворце – как так у конюха молодого ни одна лошадь не пропала, ни одного жеребенка волки не унесли. Посмеивается про себя королевич, а никому ни слова, что не конюх он вовсе, что язык звериный знает, с лошадьми та зверьем степным разговаривает.

Вот приключилась в королевстве том беда великая. Прилетел из-за моря Змей Горыныч, дань себе требует – в сутки по девице, в неделю – по молодцу.

Пригорюнился король, да и объявил во все стороны волю свою: коли выищется добрый молодец да убьет Змея Горыныча, так он тому в ноги поклонится, сыном своим назовет и после себя править оставит.

Услыхал ту весть королевич, разгневался. Где это видано – король сына своего родного от себя прогнал, а чужаку, незнамо кому, царство обещает.

Вышел он в чисто поле, позвал коня своего верного, верхом вскочил, да к Змею Горынычу на бой отправился. Приехал на берег морской, к пещере змеиной, закричал громким голосом:

- Выходи, Змей Горыныч на бой честный!

Выполз Змей Горыныч, страшный змей о трех головах, о семи хвостах, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит, медные когти на лапах блестят.

Увидал Змей королевича, громом загредел:

- Обед сам в мои лапы пришел. Захочу теперь – живым сожру, захочу – в свое логово унесу, там зажарю.

- Ах ты, змея проклятая, ты сначала поймай меня, а потом и хвастайся.

Разозлился Змей от речей его дерзких, выдыхает огонь жаркий, хочет молодца живьем

зажарить, а королевич бросился в море, обернулся рыбой-щукой и в сторону от Змея ушел. Обернулся ясным соколом, кинулся на Змея, крыльями его бьет, когтями ранит, глаза ему выклеывает. Стараются Змей Горыныч жарким пламенем сокола спалить, а достать его не может. Выклевал глаза ему королевич, обернулся серым волком, бросился на Змея, вмиг его на клочки разорвал. Обернулся человеком, зашел в пещеру, смотрит, а там золота – кучи целые; камней драгоценных, жемчугов заморских, мехов богатых видимо-невидимо. А рядом сидит девица пригожая, плачет-заливается. А как подняла она голову, как увидела королевича – обрадовалась. На шею ему бросилась, давай обнимать да целовать на радостях.

- Откуда взялась ты тут, красна девица? – спрашивает ее королевич. – Как очутилась в логове змеином?

Молвит девица:

- Царевна Милолика я. Украл меня Змей Горыныч проклятый прямо из-под венца. Унес от батюшки с матушкой, от жениха моего милого, здесь посадил, никуда не выпускал. Схорониться тебе нужно, добрый молодец, пока не учуял тебя Змей, не то съест он тебя заживо.

- Никого уж не съест Змей Горыныч, - засмеялся королевич, - скорее его самого съедят рыбы на дне морском. Разорвал я его на куски, не будет больше зло творить сила нечистая, змей проклятый.

Обрадовалась царевна пуще прежнего. Усадил ее королевич на коня своего верного и в обратную путь-дорогу отправился. Привез он в край родной весть добрую, что не нужно боле Змею Горынычу дань платить, не летать ему боле над деревнями русскими, не тревожить народ честный. Со славою, с почестями приняли его во дворце. Сам король ему навстречу вышел, в обе щеки расцеловал, за руку взял и подле себя за стол усадил.

- Кто ты такой, - спрашивает, - не верится мне, что конюхом ты родился.

- Твоя правда, - отвечает королевич, а сам в очи ему смотрит, взгляда не отводит, - не конюхом меня матушка родила – сыном королевским. Взгляни на меня внимательнее, неужто не признаешь сына своего родного, которого ты дитятей малым из дворца выгнал, да на все четыре стороны отправил?

Пригляделся король – так и есть сын это его родимый. Повинился отец перед сыном, в ноги ему упал:

- Что хочешь со мной делай, - говорит, - виноват я перед тобой. Вовек не искупить мне вины своей великой.

Посмотрел на него королевич – жалко отца ему стало. Поднял он его с колен и молвит:

- Не буду я грех на душу брать. Не трону тебя. Только батюшкой величать не стану, не отец ты мне. И королевства твоего мне не надобно. Побуду здесь недолго и снова в путь-дорогу отправлюсь. Ищи себе другую замену. Меня не трогай.

Остался королевич во дворце. С матушкой каждый день видится, к батюшке и близко не подходит. Не может простить ему содеянного. На все расспросы – где, да как жил; кто его вырастил – нашлись добрые люди, отвечает.

Гуляет как-то королевич по саду, думу думает, что уезжать ему нужно. Уж очень он по лешему своему соскучился, дня не пройдет, как вспоминает его.

Смотрит королевич, а в саду на скамейке сидит царевна Милолика, вздыхает.

Подошел он ближе и спрашивает:

- Чего вздыхаешь, царевна? Аль приключилось чего с тобой? Живы ли, здоровы, батюшка твой да матушка?

Отвечает ему царевна грустно:

- Отправила я весточку родителям моим, что в порядке всё со мной, что жива я да невредима. Вернулся сегодня голубь мой обратно. Радуются батюшка да матушка за меня, все у них хорошо, да только нареченный мой, Иван-царевич пропал. Отправился искать меня да у Марьи Моревны и сгинул. Нет от него ни слуху, ни духу. Оттого печальна я. Вот думаю в долгий путь отправиться, Марье Моревне в ноги упасть, просить ее, чтоб вернула она мне моего милого.

- Сильно любишь ли жениха своего? – спрашивает королевич.

- Ой, сильно, - молвит царевна тихо, - Белый свет без него мне не мил.

Подумал королевич, обнял ее по-братски, и говорит:

- Так и быть, царевна, отыщу я жениха твоего, да целёхоньким тебе доставлю. Только условие есть у меня одно. Коли выйдет всё у меня – здесь останетесь. Станет Иван-царевич землями этими править. И я знать буду, что народ не без присмотра, и король спокойно от дел отойдет.

Согласилась царевна Милолика на условие такое. Стал королевич в путь-дорогу собираться. Попрощался с матушкой своей, да с царевною; вновь позвал коня своего верного и поехал Ивана-царевича выручать.

Как подумаешь, куда велик божий свет! Живут в нем люди богатые и бедные, и всем им просторно. Живет в нем и нечисть, сила темная. Нет людям от нее ни жития, ни спасения. Нет для силы нечистой ни закона, ни правды на свете белом. Морочит, околдовывает, дурачит, сбивает с толку люд честной. Нет у нечисти ни сердца, ни души. Нельзя ни ранить, ни обидеть силу нечистую. Не бывает такого, чтобы нечисть обижалась, али ей больно было. Все люди об этом знают, все в один голос твердят. Ведомо то и Белому Полянину, да только помнит он взгляд, что Кощей на него бросил. Тьма в нем да смерть виднелись, а за ними боль-тоска такая, что оторопь берет. Ударил он Кощея сильно, без ножа на куски порезал, чудом жив остался. Самое время бежать что есть духу, пока цел.

Поднялся Белый Полянин, оделся впопыхах.

Не будет второй раз предупреждать Кощей Бессмертный, не отведет очей в сторону.

Далёко за спиной оставил богатырь дуб столетний.

Коли в очах его сила такая, что было бы, когда бы уступил Белый Полянин страсти своей, да поцеловал бы уста нечистые? Выпил бы душу из него Кощей, не раздумывая.

Продирается сквозь чащу лесную Белый Полянин, торопится.

Не умеет любить сила нечистая. Не просит никогда и ничего – требует, сама всё берёт силою да хитростью.

«- Богатырь, родной мой... бери... бери меня... прошу, хороший мой. Не могу я...какой ты... прошу, родимый...»

Выбежал, наконец, Белый Полянин на полянку лесную, к терему высокому. Ворота толкнул – заперто; плечом поднажал – не поддаются, с разбегу ударил раз, другой – распахнулись настежь, будто войти приглашая. Не оробел Белый Полянин вошел смело, к терему направился. Тотчас же закрылись ворота, не открыть, не выйти.

Заходит Белый Полянин в терем, прямиком в горницу проходит. Смотрит, а Кощей посреди горницы стоит, злоба от него исходит, очей колдовских с богатыря не сводит, молвит глухо:

- Разве не наказывал я тебе, богатырь, чтоб не появлялся предо мною! Один раз отпустил, второго не будет! За смертью своей ты сюда пришел!

В три шага подбежал к нему Белый Полянин, на колени перед ним упал, к ногам его прижался, стан тонкий руками обхватил, молвит быстро:

- Прости меня, Кощей Бессмертный. Дурак я, дубина стоеросовая. Правда твоя – люди болтают, а я и рад, слушаю их речи глупые. Не смогу без тебя, любый мой. Лучше сразу убей меня, не мучай. Да прежде, дай поцеловать уста твои сладкие, дай испытать ласку нежную. А после, коли хочешь, убей.

- А что же, не жалко ли тебе души твоей? Поцелую – выпью ее, полною, тебе не отдам.

- Да я, уж, давно ее тебе отдал. У тебя душа моя, что хочешь с ней делай.

Закрыл очи Кощей, вздохнул едва слышно.

- Дурной. Как есть дурной. Встань с колен-то, болезный. Передумал я убивать тебя, оставлю, пожалуй. Может, на что живым мне сгодишься.

Поднялся на ноги Белый Полянин, обнял Кощея крепко, а после в очи ему посмотрел пытливо и уст его коснулся: бережно, нежно. Целует, оторваться не может, постанывает едва слышно, языками соприкасаясь. Льнет к нему Кощей, пояс на штанах развязывает. А как развязал, плоть его освободил, в руку взял. Сам от уст молодецких не отрывается, будто правда душу выпить хочет, да уд его наглаживает. Только хотел Белый Полянин схватить его да постель искать отправиться, как отступил Кощей в сторону.

- Нет, - молвит через силу, - по-моему нынче будет.

К столу богатыря подтолкнул, своей грудью к его прижался, бедрами вперед повел – соприкоснулась плоть молодецкая с его собственной. Припал поцелуем к устам жарким, ласкает плечи широкие, трется кожей о кожу, будто кот урчит. Еще теснее бедра их свел Белый Полянин, чувствует, как разгорается пожар дикий в теле от близости Кошеевой, как тяжелеет плоть его, как застилает взор жажда невыносимая. Еще больше, еще ближе, еще жарче.

- Нет мочи..., - хрипит богатырь, - дай... взять... тебя.

- Не время, - шепчет Кощей. Скользнул напоследок по телу молодецкому, да и вниз опустил. Стонет Белый Полянин от ласки дивной. Хочет глубже вогнать уд свой в уста

желанные. Не дается, отстраняется Кощей от тела его:

- Не время, - шепчет.

Поднялся, к устам молодецким припал, будто к колодцу с водой живой. Провел Белый Полянин руками по стану его тонкому, мнет ладонями ягодицы крепкие, в стороны разводит, пальцы внутрь заводит; горячо, жарко, бесстыдно.

- Пусти, - прерывается голос, - сюда меня.

Выгибается Кощей, а головой мотает, нет, мол, рано еще. Распахнул очи шалые, отстранился, на себя богатыря потянул, прямо на половицы сесть его вынудил. Сам на коленях его устроился, егозит, прижимается. Не выдержал Белый Полянин, ухватил его за бедра, чтоб на себя насадить, мучения свои прекратить. Да замер Кощей в руках его, ягодицами плоти касается, а не сдвинешь, застыл будто каменный. Распахнул очи свои, на богатыря смотрит:

- Людям, али мне верить будешь отныне? Отвечай, богатырь.

Шепчет Белый Полянин, очей не отводя:

- Тебе, душа моя. Ни одному слову людскому не поверю боле. Смилуйся, любый мой. Не мучай. Нет сил моих.

Застонал Кощей, сам на уд молодецкий насадился. За плечи богатырские держится, вверх вниз двигается, ахает да постанывает, шипит сквозь зубы что-то.

- Замри, - наказывает, - я сам.

Уперся Белый Полянин о половицы руками, себя сдерживает, а как же хочется сбросить Кощею на пол, да вставить ему поглубже. А после, перевернуть на спину, забросить за себя ноги его длинные, да вставить еще раз. От мыслей таких, да от вида Кощеева охватило огнем тело богатырское. Нет мочи уж и Кощею выдерживать. Приподнимает бедра, плоть из себя выпускает, неспешно, будто с неохотою, да и рывком вниз насаживается. И так еще раз, и еще. Чувствует – вот-вот семенем выплеснется, прижался к Белому Полянину, на ушко шепчет:

- Твой черед, богатырь. Тебе дело заканчивать.

Схватил Белый Полянин Кощею в охапку, перед собой разложил, как давно хотелось, зверем на него набросился. Вгоняет плоть свою горячую крепко да часто. Захлебнулся стоном Кощей, излилось семя жемчужное. Тут и Белый Полянин оросил его семенем своим. Опустился на пол, Кощею к груди прижал, держит крепко, не отпускает и уд из него не вынимает. Так любо Белому Полянину, замереть бы так навек, вместе. Отошел немного Кощей, отдышался, точно после скачки дикой, пошевелился. Тут же обвил его руками Белый Полянин:

- Твой черед замереть, - молвит.

Улыбнулся Кощей, ни ногой, ни рукой не двинет. Задумал созорничать. Сам не шевелится, а ягодицы нет-нет, да и сожмет. Задышал богатырь чаще, бедрами задвигал.

- Ты что, лукавый, делаешь, - спрашивает.

- Замер я, - отвечает Кощей.

Белый Полянин ему в шею поцелуем впился, за бедра ухватил, ткнулся плотью воспрянувшей, вновь входя в Кощею.

- Еще раз так замри, – рычит.

- Ох, а ведь неспроста ты себя богатырем называешь, - изогнулся Кощей. – Не перевелись еще у вас, на Руси добры молодцы. Времени прошла минутка, а ты вновь готов к подвигам ратным, к делам великим. Покажешь мне снова силу свою богатырскую?

Показал Белый Полянин Кощею все, что тому хотелось, а погода еще раз показал, чтоб получше запомнилось.

Не скоро дело делается – да скоро сказка сказывается. Едет королевич по полям да по лесам, пути к Марье Моревне ищет. Вдруг видит у дороги, в пыли старичок сидит: сам с ноготок, а борода с сажень. Смекнул королевич, кто перед ним, ближе подъехал, спешился, старичку тому поклонился и молвит:

- Век тебе здравствовать, Степовой.

- И тебе не хворать, - отзывается старичок.

- Не в службу, а в дружбу, укажи мне дорогу к Марье Моревне.

- Отчего ж, укажу. Одна только дорога к ней проложена, через степь широкую, через лес дремучий. Нехорошая дорога то. Через владения Кощей Бессмертного стелется. Коль хочешь по ней проехать, позволения у него спрашивать надобно.

- Спасибо тебе, Степовой, - молвит королевич. – Как же мне Кощей Бессмертного встретить, чтобы позволения у него испросить?

- Сам к тебе выйдет, как почует.

Поклонился королевич духу Степовому, на коня вскочил, дальше отправился.

Держит путь королевич к лесам Кошеевым, а Белый Полянин в то время в постели мягкой лежит, да самого Кощей к сердцу прижимает. Солнце уж высоко стоит, а не хочется ему размыкать объятия крепкие, любого своего отпускать. А Кощей и рад – сладко ему в руках богатырских, на груди широкой. Нежится, поцелуи принимает, с каждым касаньем крепче прижимается.

Вдруг встрепенулся Кощей, сел на постели, прислушался:

- Кто там, по землям моим без спросу рыскает?

Удивился Белый Полянин:

- Ты что ль, - спрашивает, - ведаешь, когда в лесах твоих чужак объявляется?

- Я многое ведаю, - отвечает Кощей.

Поднял тут он на Белого Полянина очи свои черные, взор лукавый и молвит:

- Родной мой, а давай слух пустим, что съел я тебя. Там, глядишь, и пропадет охота по лесам моим бродить, зверье пугать да нечистую силу дразнить.

- Давай, - улыбается Белый Полянин. – Да вот, только, кто мне говаривал, что только Баба Яга гостей своих ест?

- Я тоже ем, - смеется Кощей, - И Змей Горыныч. Долго ли, умеючи.

Кивает головой Белый Полянин, соглашается, за руку Кощей к себе тянет. Подался Кощей силе богатырской, не противится желанию молодецкому. Руками о плечи его

уперся, трется плотью своей о тело белое, огонь в богатыре разжигает.

- Съем, - стонет, - всего съем. Ни косточки не оставлю.

Вдруг послышался тут из-за ворот голос громкий да звонкий:

- Есть тут кто живой? Отзовитесь, хозяева! Гости к вам пожаловали!

Зашипел Кощей пуще кошки рассерженной:

- Я сейчас отзовусь! Сейчас откликнусь! Навек отклик мой запомнишь!!

- Погодь, - останавливает его Белый Полянин, - вдруг, что важное приключилось, раз сюда пришли. Спросить бы надобно, что за человек, да чего пожаловал.

- Ну, богатырь, - шипит Кощей, - припомню тебе я это!

- Не сердчай, милый, - целует его Белый Полянин ласково, - опосля продолжим.

Собрал Белый Полянин одежду свою, разбросанную: рубаха – тут, штаны – там; оделся и во двор вышел. Ждет, пока Кощей ворота отворит.

Как распахнулись ворота, узрел Белый Полянин молодца, что по дороге к кузнецу встретил. Признал и его королевич. Обнялись на радостях.

- Ну, сказывай, куда ты, да откуда. Как попал во владения Кощеевы? – спрашивает его Белый Полянин.

- Еду я из града стольного к Марье Моревне. Ивана-царевича выручить надобно, - начал, было, королевич сказывать, да запнулся, за спину Белому Полянину глянул, поклонился низко:

- Здоров будь, Кощей Бессмертный.

- И тебе здравствуй, коли не шутишь. Что забыл ты в лесах моих диких?

- Не гневайся, Кощей Бессмертный, - отвечает королевич, - что без спросу во владения твои заехал. Путь-дорога к Марье Моревне только через них и стелется. Прости меня, коли оторвал я тебя от дел важных, позволь мне через леса твои проехать, да и дальше отправиться.

- Ладны речи ведешь, - ухмыляется Кощей, - что научил тебя, кто совет дал?

- Лешего я воспитанник. Провел у него в науке без малого пять лет.

Слушает Белый Полянин как королевич с Кошеем Бессмертным разговаривает, куда очи свои деть не знает. Припомнил, как сам к нему обращался дерзко да грозно. Только пришло ему в голову, какая сила у Кощея великая, что держать себя с ним по-другому надобно.

Провел во двор Кощей королевича, за стол усадил. Тотчас же явились три пары рук, да кушанья перед ним поставили.

- Подкрепись, - молвит Кощей королевичу, - перед дорогой дальней.

Оставил его за столом, сам к Белому Полянину подошел, смотрит в очи ему пристально и молвит:

- Не о том, богатырь, думаешь. Али жалеть начал, что со мной связался?

- Нет, - отвечает Белый Полянин, - что ты! Да, только, я тебя, верно, обидел речами своими неучтивыми.

- Обидел, - отзывается Кощей, - крепко обидел. Я всю ночь не спал – кару тебе придумывал страшную. Нынче же ночью в исполнение ее и приведу.

Не поймет Белый Полянин, то ли шутит Кощей, то ли и правда обиделся.

- Уймись, хороший мой, - не выдержал Кощей, - кабы иначе с тобой поговорили, может, и не свиделись бы больше. Пойдем, негоже гостю одному, без хозяев за столом сидеть.

Успокоился немного Белый Полянин, воротился за стол к гостю незваному, да доброму; о жите-бытье его расспрашивает. Рассказал королевич историю свою, про все, что было с ним, поведал.

- Вот, - досказывает, - верну царевне Милолике нареченного ее, Ивана-царевича и домой, в лес, отправлюсь. Будет с меня, посмотрелся я на свет белый, на людей разных.

- Царевна? – переспрашивает Кощей, - не та ли девка, что ты у меня искал?

- Она, - смутился Белый Полянин, - сказал мне калика перехожая, что у тебя она в плену томится. А до того, сказал мне кузнец, что в царстве твоём судьба моя. Вот я и подумал...

Нахмурился Кощей:

- Какой кузнец? Вы к которому ездили?

- Что у северных гор живет и судьбу людям куёт, - отвечает королевич.

- И что сказал он тебе, богатырь? – допытывается Кощей.

- Что найду я судьбу свою в царстве Кошеевом.

- Нашел? – спрашивает королевич Белого Полянина.

- Нашел! – улыбнулся тот радостно. Кощей руку взял, к устам поднес и поцеловал жарко.

Посмотрел на них королевич, подивился. Вот оно как вышло. Ну, да от судьбы не уйдешь.

- Спасибо вам, - поднялся из-за стола королевич, - за угощение. Поеду я дальше, негоже мне здесь рассиживаться, коли дело еще и наполовину не сделано.

Посмотрел на него Белый Полянин, подумал.

- А не поехать ли мне с тобою вместе? - говорит, - Не могу я побратима своего одного к Марье Моревне отпустить. Что, душа моя, - оборотился богатырь к Кощей Бессмертному, - скажешь? Надобно мне с королевичем к Марье Моревне отправиться. Может, помощь моя пригодится. Не хочется мимо беды людской проходить.

Хотел ответить Кощей Бессмертный, что тот, кто у лешего в науке был, и сам управится. Хватит у него и силушки и хитрости Марью Моревну одолеть. Да взглянул на богатыря и смолчал. Не пес ему Белый Полянин верный, чтоб на цепи сидеть, да руки Кошеевы с благодарностью лизать. Засидится он на одном месте, затоскует. Нечего делать, согласился Кощей.

- Поезжай, - молвит, - развейся.

Собрались они в тот же час в путь-дорогу дальнюю, вышли во двор. Вот отзывает Кощей богатыря в сторонку и протягивает ему что-то.

- Возьми, подарок мой скромный. Хочу я, чтоб у сердца ты его носил.

Смотрит Белый Полянин, а то подвеска простая: янтаря кусочек на шнуре витом, серебряном.

- Оберег, что ль? – спрашивает, подарок принимая.

- Тебе решать, что это, - молвит Кощей Бессмертный.

Поднес Белый Полянин камень к глазам поближе:

- А что ты в янтарь пленил? Не разберу никак.

Молчит Кощей Бессмертный, за богатырем наблюдает. Как рассмотрел Белый Полянин, что в янтаре том хоронится, чуть подвеску из рук не выронил.

- Ты что, любый?! Ты что мне доверить хочешь!? Не могу я дар твой принять! А как потеряю где, а как сгину? И себя, и тебя загублю.

- Значит, так тому и быть, - молвит Кощей Бессмертный едва слышно. – Воротишь? Не отважишься в ответе быть за жизнь мою?

- Нет, - качает головой богатырь, - не ворочу. У сердца носить стану. Как зеницу ока беречь буду.

Обнял он Кощея крепко, поцеловал жарко и на коня своего вскочил.

Отправились они с королевичем к Марье Моревне, Ивана-царевича выручать.

- Езжай жизнь моя, да поскорее возвращайся, - молвит Кощей Бессмертный тихонько, очами молодцев провожая. – Крепко скованы два волоса наших, знает свое дело кузнец. Никому не под силу отворотить нас друг от друга. Судьба у нас такая – вместе быть.

Кабы знал Кощей, чем дело обернется, вовек не отпустил бы Белого Полянина, никуда бы ехать не позволил, костями бы лег, а оставил его у себя в тереме. Да многое ведает Кощей Бессмертный, а что дальше будет – не знает.

Едут королевич с Белым Полянином, не останавливаются. Дорога пред ними полотном стелется, земля меж копыт лошадиных так и летит. Как подъехали к владениям Марьи Моревны, прекрасной королевы, говорит королевич:

- Не хочется мне с девицею биться. Давай хитростью одолеть ее попробуем. Обернусь я ловчим соколом, а ты купцом переоденешься. Отнеси меня во дворец, да Марье Моревне и продай. Да только прежде чем во дворец идти будешь, зелье из одолень-травы выпей. Марья Моревна тогда тебя ни опоить, ни отравить не сможет.

Сказано – сделано. Обернулся королевич ловчим соколом, понес его Белый Полянин во дворец. Увидела птицу Марья Моревна и спрашивает:

- А что, купец, хорош ли твой сокол?

- Хорош мой сокол, королевна. Сам может сотню куропаток забить.

Поднесла ему Марья Моревна чашу вина крепкого, да зелья туда подмешала, чтоб правду ей купец сказал.

- А что, - спрашивает во второй раз, - хорош ли сокол твой, купец?

- Хорош сокол мой, королевна, - вновь отвечает ей купец. – Сам может сотню зайцев забить.

Видит Марья Моревна, что не отступает от слов своих купец, купила птицу охотничью. Позвала сокольников, велела унести сокола ловчего, а сама за стол купца приглашает, кушанья разные ему подсовывает, вина подливает. Не отказывается купец от угощения – ест, пьет, с королевны глаз не сводит. А Марья Моревна ближе подсаживается, рукой по кудрям его водит, ласками одаривает. Противны Белому Полянину касания ее, а молчит, крепится. Помнит, ради чего сюда пожаловал. Вот, настало время из-за стола вставать, ведет королевна купца в опочивальню, вина ему подливает, улыбается зазывно.

Притворился Белый Полянин, что милы ему ласки ее, привлек к себе королевну, да и отстранил тут же, молвит стыдливо:

- Хочу кожи твоей нежной, королевна, коснуться, а наряд твой мешается. Куда мне, деревенщине, снять его пытаться. Порву еще, или испорчу.

Рассмеялась королевна:

- Подожди меня, - говорит, - я сейчас буду.

Только вышла Марья Моревна, вмиг Белый Полянин в кубок ей зелья сонного подмешал.

А как воротилась она в рубашке одной, схватил свой и молвит:

- За тебя, королевна. За красу твою дивную, за доброту, за ласку.

Пригубила Марья Моревна вина, да и уснула тот час же.

А тем временем бродит Кощей Бессмертный по терему, по лесу рыскает, места себе найти не может. Уж и на пляски огневок насмотрелся, и моховых разогнал, и на лесавок шикнул. Домой воротился, на постель пустую глянул – не выдержал. Набрал воды колодезной в миску деревянную, левой рукой над ней провел, взглянул, да и онемел, дара речи лишился. Предстала перед очами его горница светлая да просторная. Посреди горницы стоит стол дубовый, яствами уставленный. Сидит за тем столом Белый Полянин, купцом переодетый, а рядом с ним – Марья Моревна; в шелках, в бархате. Заманивает богатыря королевна в сети свои, улыбается, очаровывает. Подносит ему кубок, вином до краев наполненный. Видит Кощей – нехорошее вино то. Окутывает его марево черное – зелье в нем подмешано. Вскричал тут Кощей Бессмертный не своим голосом:

- Не пей! Не трогай вина лихого, родной мой!

Не слышит его Белый Полянин, отпил из кубка, королевну ближе к себе привлек.

- Ну, девка распутная! – шипит Кощей. – Блудница бесстыжая! Устрою я тебе жизнь веселую за то, что на чужое позарилась!

Ударил ладонью по столу, миску прочь отшвырнул в сердцах, и из терема выбежал. Не разведет их Марья Моревна, зря старается. Да вот, только, как очнется Белый Полянин утром, с нею в постели одной, как воротится к нему разум, будет он стыдиться самого себя, вину перед Кощеем испытывая.

- На что мне его муки сердешные, - шепчет Кощей, коня своего седлая. – Не сможет богатырь в очи мои смотреть боле. Во век не убедить мне его, что не было в том вины его. Как смеет девка эта тела его касаться. Руки ей отрубить надобно.

Вскочил Кощей Бессмертный на коня и к Марье Моревне отправился. Забыл он и что не один там Белый Полянин, и что не даст лешего приемыш в обиду побратима своего. Все на свете позабыл Кощей, к богатырю своему на выручку бросившись.

Часть 4

Только уснула Марья Моревна, вмиг выбежал Белый Полянин из опочивальни. Глядь, а навстречу ему королевич. Начали они по дворцу ходить, Ивана-царевича искать. Все комнаты открытые обошли, одна запертая осталась. Поднатужился Белый Полянин, вышиб дверь плечом. Смотрят – стоит посредине кровать широкая, мехами устланная; на ней молодец лежит, в цепи закованный. Поднял он голову, обвел их взглядом мутным и молвит едва слышно:

- Кто вы будете, люди добрые? Коль по душу мою явились, так не мешкайте. Хоть режьте, хоть убейте – не по сердцу мне хозяйка ваша.

- А царевна Милолика – по сердцу? – спрашивает королевич.

Встрепенулся молодец, в цепях забился:

- По сердцу мне царевна! Иван-царевич я, жених ее.

Взял Белый Полянин меч острый, цепи тяжелые разрубил, Ивана-царевича освободил.

- Долго томлюсь я у Марьи Моревны в плену. Приковала она меня к постели своей проклятой. Покоя не давала – тело мое мучила. Она ведь заморочит, околдует добра молодца, да подле себя против воли его и оставит. Забавляется с ним, а как надоест ей – убивает, да еще одного заманивает.

- Вот окаянная, - молвит Белый Полянин, - хуже силы нечистой. Нельзя живой ее оставлять, не угомонится она.

Пошел назад в опочивальню и предал королевну смерти лютой за дела ее лихие.

Отыскали они Ивану-царевичу коня доброго, да в путь-дорогу обратную пустились. А как доехали до распутья, стал просить Иван-царевич:

- Не хочу я, спасители мои, с вами тут прощаться. Поедем вместе со мной до града стольного, на свадьбе моей погуляете, потом разъедетесь.

Отказывается Белый Полянин, ждет, мол, его Кощей Бессмертный, не дождется. Да уж больно просит Иван-царевич. Делать нечего, согласился богатырь. Рассудил, что беды оттого не будет, коли он еще на денек-другой задержится.

Лежит Марья Моревна в опочивальне своей мертвая, на куски порубленная. Стон, плач по дворцу стоит. Услыхала то белая кобылица, прислужница ее верная, прибежала, сложила куски вместе, sprыснула мертвой водой – срослись куски, sprыснула живой водой – открыла очи королевна.

- Ах, - молвит, - как я долго спала!

На то отвечает ей белая кобылица:

- Да, королевна моя, спать бы тебе вечно, кабы не я; ведь тебя Белый Полянин на куски изрубил, Ивана-царевича вызволил, увез с собою.

Осерчала Марья Моревна, хочет в погоню отправиться, богатыря догнать, отомстить ему страшно.

- Не возьмешь ты богатыря ни силою, ни хитростью. Лешего приемыш у него в побратимах, а сам Кощей Бессмертный – в полюбовниках. Не достать тебе его. Да и без

надобности тебе богатырь русский. Коль мести хочешь – обреки его на муки душевные. Во стократ они хуже немощи, голода да смерти. Всех громов сильнее, всяких ран больнее. Лиши Белого Полянина судьбы его – Кощея Бессмертного. Он – и душа богатыря, и сердце. Коли выйдет у тебя – будет Белый Полянин всю жизнь мучиться, вовек покоя себе не найдет.

- По нраву мне речи твои, - отвечает Марья Моревна. – Поведай, где сейчас Кощей Бессмертный.

- Сам в руки к тебе идет. Думает, что богатырь его в плену твоём томится. На выручку ему спешит.

Прознала Марья Моревна какой дорогой Кощей ехать будет, вскочила на белую кобылицу, вперед него прискакала. Бросила оземь платок – разлился ручей посреди дороги. Не проста вода в том ручье – зелье сонное. Знает королевна, что из воды чистой Кощей силу свою черпает. Захочет с дороги силы поновить – и уснет сном крепким.

А после, вышла Марья Моревна в чисто поле, смотрит, ворон с вороненком летают. Приманила она вороненка, поймала, хочет шею ему свернуть. Тогда ворон спустился на землю, сел поодаль и просит:

- Не трогай моего детеныша, королевна, ведь он тебе ничего не сделал.

- Слушай Ворон Воронович, - отвечает Марья Моревна, - не трону я твоего детища, отпущу здрава и невредима, если ты сослужишь мне службу: слетаешь в лес дикий, во владения Кощеевы и передашь весточку Белому Полянину. Скажешь ему, что пленила Кощея Бессмертного Баба Яга, на силу его позарившись. Коль хочет он вновь Кощея увидеть, прежде должен с Бабой Ягой побороться.

На то Ворон Воронович сказал Марье Моревне:

- Я тебе эту службу сослужу, только не тронь моего сына!

Выговорив эти слова, ворон полетел и скоро скрылся из виду.

Разминулись Белый Полянин с Кошеем Бессмертным, на дороге не встретились. Только-только богатырь из виду скрылся, Кощей к распутью подъехал, да налево и завернул, помчал к дворцу Марьи Моревны. Не час, не два едет, смотрит – ручеек поперек дороги бежит. Спешился Кощей, к воде подошел, левою рукою над ней провел – а не видать ничего. В ручье-то вода не стоячая, бежит-утекает, не показывает ничего, только рябь одну. Вздыхнул Кощей Бессмертный, да и умылся в ручье, пыль дорожную смывая. Попала капля воды на уста его – тут же уснул Кощей сном крепким.

Выехала из-за деревьев Марья Моревна, ухмыляется. Удалось ей Кощея провести. Не о том он думал, когда в ручье умывался. Бросила королевна Кощея на кобылицу свою белую и дух ее простыл.

А Белый Полянин в то время на свадьбе пирует, мед-пиво пьет. Не ведомо ему, что с Кошеем Бессмертным приключилось. Как отгуляли свадьбу, стали королевич с Белым Полянином снова в путь-дорогу собираться. Одарил их Иван-царевич подарками богатыми, дворец белокаменный Белому Полянину пожаловал. Хотел и королевичу, по

праву его, дворец отдать. Ан, нет, отказался королевич. Царевне Милолике про уговор их напомнил, и вместо себя Ивана-царевича на престол посадил.

Простились побратимы с царевичем да царевной, сели на коней своих добрых и уехали, каждый своей дорогой. Королевич к лешему назад отправился, а Белый Полянин к Кощею Бессмертному поспешил.

Только подъехал к терему высокому, смотрит, а ворота настежь распахнуты.

- Ну, - молвит Белый Полянин, - ждет меня Кощей, ворота открыл.

Заходит он во двор, глядь - дверь в терем не прикрыта, тихо так кругом. Сжала сердце богатырское тревога, нахмурился он и вовнутрь поспешил. Весь терем обошел – нет нигде Кощея. Бросился на конюшню – коня его доброго нет.

- Ну, - успокаивает себя, - стало быть, в лес Кощей отправился. Приедет к вечеру.

Вышел за ворота, прислушался. Шевелится тревога в груди, змеей подколенною, не угомонится никак. Ведомо должно быть Кощею, что домой Белый Полянин воротился. А листья не шуршат, деревья не трещат – не едет Кощей, только сидит ворон на ограде карчет.

- Что ты беду кличешь, окаянный! – молвит Белый Полянин, а сам думу думает, в какой стороне Кощея искать.

- Беда сама к тебе пришла, - отвечает ворон человеческим голосом. – Полонила Кощея Бессмертного Баба Яга. Хочет леса его себе забрать, силой нечистой повелевать. Дню белому, солнцу красному и ночи темной наказы отдавать. Коли хочешь Кощея вызволить, надобно тебе с Бабой Ягой сразиться и победу над ней одержать.

Подкосились ноги у богатыря, осел он на сыру землю, за подвеску, что на шее носит, схватился, спрашивает едва слышно:

- Жив ли еще Кощей?

- Жив, жив покудова, - карчет ворон. – Не отыщет никак Баба Яга места, где смерть свою он спрятал. Да только не выбраться Кощею. Обманом да хитростью лишила Баба Яга силы его колдовской. Поспеш, коли помочь хочешь.

Поднялся Белый Полянин, дверь в терем притворил, ворота закрыл и к себе во дворец отправился; доспех выбрать да на бой смертный отправиться. Одолевают богатыря думы горькие, камень тяжелый душу к земле сырой тянет. Винит он себя, в беде случившейся. Клянёт, на чем свет стоит.

- Вызволю, вытащу, с собой заберу, - твердит, будто чумной, - никуда не отпущу, коль захочешь еще со мной быть. Прости, Кощеюшка, прости душа моя. Оставил, уехал, не пойми куда и зачем.

Гонит коня Белый Полянин, что есть мочи, галопом скачет. Какой перехожий его увидит – креститься начинает. На человека не похож – очи горят, уста шепчут что-то не останавливаясь – то ли клянёт кого, то ли молится. Не будет отныне покоя Белому Полянину, постаралась Марья Моревна на славу. Десять лет ему биться с Бабой Ягой, десять лет с коня не слезать, каждую ночь милого вспоминать, а не видеть его, не слышать. Волею лихою настигла богатыря расплата страшная, врагу такой не пожелаешь.

А королевич, тем временем, к лесу подъезжает, торопится. Больно хочет лешего своего увидеть.

- Просить буду слезно, - молвит про себя. – В ноги упаду. Только бы остаться позволил. Только бы назад не воротил.

Долго ли, коротко ли, подъезжает к избушке. Смотрит, а леший на завалинке сидит, лесы чинит. Королевич с коня прыгнул, подошел поближе.

- Здравствуй, - молвит, а что дальше делать – не знает.

Поднял леший голову, блеснули на солнце клыки.

- Здравствуй, - отвечает. Да снова за лесы взялся.

Остолбенел королевич: «Не люб!», - мысль мелькнула, будто по сердцу мечом острым.

- Али забыл меня? – шепчет.

- Отчего же? Помню, - отвечает леший, так и сяк лесы в руках своих поворачивает.

Вгляделся королевич, а дрожат пальцы у лешего, будто сдерживает он себя из сил последних. «Ну, будь, что будет», - подумалось. Подался вперед королевич, лесы из ручищ вынул, откинул далёко; сам к лешему прижался, обхватил руками шею толстую, запутал пальцы в шерсть косматую, тянется к устам его страшным, да клыкам острым.

- Ты чего удумал! – отстраняется леший, - Остры зубы мои, клыки торчат – изрежешь себе уста-то!

- Пусть, - льнет к нему королевич, - дай поцеловать тебя, хороший мой. Соскучился по тебе, мочи нет! Дай обнять!

- Как же обнимешь ты меня, коли пальцы твои в шерсти путаются?

- Пусть, - ерошит королевич шесть длинную, - не беда, выпутаю.

Молчит леший, очами зелеными сверкает. Замер тут королевич, головой поник, спрашивает тихонько:

- Отчего не обнимешь ты меня? Отчего не прижмешь к себе? Не люб я тебе стал?

- Как же мне обнять тебя, да к себе прижать, - отвечает леший, - коли остры когти мои. Еще пораню тебя, ненароком.

- Не поранишь, - улыбается королевич, - можешь одежду на мне изрезать, быстрее скину ее с себя.

Смотрит на него леший в удивлении великом.

- Ты, что ль, под меня лечь собрался? Я ведь в шкуре звериной. Разве не хочется тебе, чтоб снял ее я с себя?

- Мне все равно, - молвит королевич. – Мне ты нужен. В шкуре, аль без шкуры, зверем аль человеком. Любым. Хочешь – зверем лесным бери меня, хочешь – человеком. Только не знаю, приму ли я плоть твою звериную. Больно велика. Могу устами тебя ублажить.

- В своем ли ты уме, дитя королевское?

- В своем. И не дитя я неразумное, вырос уже. Долго я странствовал, многое видал. Не нужен мне никто другой, противны все. Ты один мне по сердцу, хороший мой. Хочешь, можешь навек в шкуре передо мной ходить, да только не гони. Не лишай меня ласки своей, да заботы.

Провел ручищами леший по телу его, бережно, едва касаясь.

- Коли так, - молвит хрипло, - неужто позволишь мне взять тебя в моем облике страшном, шкуры с себя не сымая?

- Позволю, - шепчет королевич. На колени перед лешим опускается, меж ног его устраивается, руки к штанам его, наизнанку вывернутым, протягивает, ласкает уд твердеющий, величине его изумляется, уста свои кусает.

А лешему все не верится, что не шутит королевич. Позволил он штаны с себя стянуть; смотрит, как целует молодец плоть его жарко.

- Ой, велик ты, - стонет королевич, - точно рука моя. В уста самый краешек поместится.

Понял леший, что не отступится королевич, что правдою все слова его оказались, отстранился, шкуру звериную скинул. Рассматривает его королевич с замираньем.

- Как же красив ты, хороший мой, какое же тело у тебя сильное. Я уж и запомнил, как велик ты и в облике человеческом.

- Запомнил? – рычит леший. – Ну, да не велика беда, напомним я тебе.

Схватил он молодца, в избу потащил, на постель уложил, одежду с него сорвал. Милует да ласкает тело сильное. Вывертывается королевич, изворачивается.

- Нет, не нужно, - стонет, - опосля намилуешься. Возьми меня, не мешкай, чтоб твоим я стал тут же.

На спину лешего повернул, верхом, будто на коня, уселся, давай на уд его насаживаться.

Схватил его леший за бедра, остановил:

- Ты чего творишь, буйный? – спрашивает.

Прикрыл очи королевич, молвит едва слышно:

- Боюсь, что передумаешь. Прогонишь от себя.

- Глупый, - целует его леший, - телом вырос, а разумом дитем остался.

Прижал к себе королевича, устами по груди проводит, плоть его милует, тело его под уд свой готовит: уста и пальцы чередуя. Раздвинул ноги королевич широко, под ласками выгибается, стонет жалобно:

- Хочу... не мучай...

- Как взять тебя, как ты хочешь, - спрашивает леший, уж и сам от жара изнемогая.

- Как тогда...

Вогнал плоть свою леший поглубже, до вскрика, до вздоха, до стона отрывистого.

- Не отпущу, - шепчет, - не выпущу. Навек... с собой... оставлю.

Услышал королевич шепот горячий, так любо стало – будто кто душу приласкал.

Распахнул очи, улыбнулся, еще сильнее под лешим выгибаясь. Никуда не уйдет он больше, зачем по землям чужим рыскать. Здесь дом его, тут его счастье. Чуть не упустил, чуть не прозевал по глупости. Прав кузнец был, долго бродить да странствовать пришлось, пока уразумел кто судьба его, пока вновь встретились. Теперь, уж...

- Навек твой, - выдохнул королевич, изливаясь, да и в себя семя горячее принимая.

Открыл очи Кощей Бессмертный, смотрит – на двенадцать цепей он к стене прикован, крепко цепи те держат – ни пошевелиться, ни рукой-ногой двинуть. Будто зверь в силках бьется Кощей, а не может разорвать цепи железные. Не освободиться, не выбраться, крепко держит сила лихая, не совладать ему с ней никак. Как дитя малое пленили, как пса на цепь посадили.

Отворилась тут дверь кованная, заходит Марья Моревна.
- С добрым утром тебя, Кощей Бессмертный. Как почивал?

Поднял голову Кощей, кто перед ним увидал и молвит:

- Чего ты хочешь от меня, бесстыжая? Не гожусь я тебе для утех любовных. Не выйдет у тебя со мной позабавиться!

- А мне того и не надобно. Побрезгую я, после мужиков всяких тебя касаться. Будешь у меня в чулане томиться. Буду тобой любоваться, взор свой тешить.

- Не обессудь, королевна, не жить тебе на свете белом. Проведает Белый Полянин где я, придет, долго разговаривать не станет. Вмиг голову с плеч сымет.

Смеется Марья Моревна, угрозы Кошеевы услышав:

- Не жди любовника своего, - молвит, - донес ему ворон, что пленила тебя Баба Яга, на земли твои позарившись. Поедет он с ней биться, да и сгинет. А что голову мне сымет... открою я тебе тайну страшную – мертва я, Кощей Бессмертный. На куски изрубил меня богатырь твой. За то, лишила я его судьбы напророченной. Навек ты у меня останешься.

Как услышал речи те Кощей, вонзил в королевну взгляд черный; очей горящих не отводит, смерти лютой ей желая.

А королевна снова смеется, заливается:

- Не выйдет у тебя убить меня. Потеряли очи твои силу колдовскую. Не сделать тебе глотка воды колодезной, не войти в силу прежнюю, не выйти отсюда вовек! Мой ты пленник, Кощей, моя забава!

- Бессмертием своим клянусь, девка! Примешь ты смерть от очей моих, от взгляда лихого, не сегодня, так завтра. Не того ты пленила по глупости своей. Не будет тебе отныне покоя!

Осерчала королевна, выскочила из чулана, дверью хлопнула.

Поник в цепях Кощей Бессмертный; в бессилии уста свои кусает, думу горькую думает. Белого Полянина поджидает, все на милого надеется. Проходит день, проходит второй – не едет богатырь, не спешит милого своего вызволять. Стало тревожно на душе у Кощей: аль забыл богатырь русский любого своего, аль сгинул, где в бою, аль еще, что лихое случилось.

Томится в плену Кощей Бессмертный, счет дням и ночам потерял. Водицы чистой хоть глоточек бы сделать, хоть по одной цепи железные разорвать. Течет время, погружает Кощей то в бред, то в беспмятство. Иногда только раскрываются очи ясные, шепчут уста едва слышно:

- Видишь, родной мой, кто теперь у меня в полюбовниках? Двенадцать их. Все сестры родные. Держат крепко, не пускают. Трясея уста мои целует, мучает. Забыл, аль не забыл ты меня? Примешь, аль нет? Коли забыл, коли не люб, преломи ты камень-янтарь, избавь от терзаний.

Прерывается шепот, замолкают уста. Закрывает очи Кощей, вновь голову вниз роняя. На добро, аль на лихо скованы два волоса: душами вместе, а друг от друга далече.

Проходят дни в заботах да радостях, веселится люд русский, песни поет, да хороводы водит. Попадается так же зверь в лесы, что леший ставит, так же обнимает он королевича, домой воротившись. Так же завидует король-отец охоте удачной, упрашивает Ивана-царевича секрет у лешего выведать. Смеется Иван-царевич с царевной своей, не хочет лешего попусту тревожить. И все у них ладно, и всякое дело в руках горит.

А как настанет ночь, все так же закрываются в бессилии очи черные, раскосые, тоской до краев налитые; сжимаются руки, в цепи закованные, слышится шепот хриплый: «Богатырь...».

А далеко-далече, за семью горами, за семью морями; не роса вечерняя на мече блестит – блещут то очи от слез непролитых, мечется тело белое по плащу дорожному: «Душа моя...».